

ГЛАВА 1,

*в которой бывший десантник
Сергея Духарев наивно полагает,
что стал объектом веселой
мужской шутки*

«Эх, сейчас бы кружечку пива, — подумал Серега Духарев, не разлепляя глаз. — Всего одну кружечку, и — как рукой...»

Сквозь вполне знакомую головную боль (нажрался вчера, надо полагать, знатно!) постепенно пробивались и другие ощущения: тупая боль в спине, поганый привкус во рту, цвирканье птичек...

«Мать моя... — подумал Серега. — Чего это они расчирикались среди зимы? И почему спине неудобно?»

Любопытство подвигло Духарева к разлеплению одного глаза...

...после чего он тут же разлепил и второй и тупо уставился вверх.

Потолка над головой не было. Вместо него телебомкались под ветерком резные дубовые листья. Этот же ветерок, нежный, как девичья ладошка, оглаживал небритую физиономию Духарева.

«Все, — подумал он обреченно. — Крыша тютю!»

И сел.

Неприятные ощущения в спине тут же объяснились: желуди.

Сергея с кряхтением поднялся во весь свой стодевяностотрехсантиметровый рост, сорвал дубовый листочек, пожевал задумчиво...

«Может, я умер? — подумал Сергей. — Может, я в раю?»

Сомнительно. С таким характером, как у него, даже в ад без пропуска не пустят.

«И где ж я вчера квасил? — подумал Сергей. — Или не вчера?»

Судя по погоде, с момента, к которому относились последние воспоминания Духарева, минуло минимум полгода.

«А может, я в Австралии?»

Думать было лениво. По крайней мере — без бутылки пива. А лучше — двух.

Последним воспоминанием Сергея была поездка в Москву. С друзьями Вовкой и Димкой. Димка вез в столицу какую-то текстильную лабуду на продажу, а Сергея с Димкой взял вроде бы за компанию. Ну и для охраны тоже. Может, это Вовка? Вовка — еще тот приколист. Вполне мог напоить и сунуть в самолет на Австралию или какую-нибудь Бразилию. А там договориться с аборигенами, промаксать, чтобы сволокли в лесок и запечатлели, как Духарев очухивается среди австралийских лесов!

— Эй! — гаркнул Сергей. — Хорош дурить!

Единственный результат — возмущенная сорока, сорвавшаяся с соседнего дерева.

Интересно, есть ли в Австралии дубы? И сороки...

— Я пить хочу! — громко заявил Духарев, подумал немного и добавил: — И выпить.

На этот раз его даже сорока не поддержала.

Духарев сплюнул на травку, облегчил душу простым русским словом и побрел куда глаза глядят.

К счастью, глядели они в нужную сторону, и спустя некоторое время он набрел на озерцо в четверть

километра шириной. Вода в озерце выглядела чистой. Такой и оказалась. Серега напился (плюнув на дизентерийные и прочие палочки), умылся, слегка ожил, побрел дальше и вскоре наткнулся на густящий малинник. В самой середке малинника шуровал какой-то мужик.

— Здорово! — крикнул, подходя, Духарев. — Слышь, где это я, а?

Мужик выпрямился... и оказался вовсе не мужиком, а бурым мохнатым мишкой со слюнявой клыкастой мордой.

Серега в прямом смысле этого слова остолбенел. То есть он понимал, что надо валить. И очень быстро, но... Не мог.

Зато мог мишка. Ух он и дернул — только ошметки кустов в стороны разлетелись!

Духарев перевел дух.

— Во! — сказал он больше для самоуспокоения. — Человек — это сила!

И принялся за малину. Не пропадать же добру.

От ягод в желудке не потяжелело, но дурной вкус во рту сменился приятным. Духарев покинул малинник и почапал дальше. Направление выбрал — чтобы солнце в затылок светило. Настроение улучшилось: тепло, воздух чистый, деревья большие... Знать бы еще, где и куда идешь.

Часика через полтора Духарев вышел на дорогу.

Вдоль дороги тянулись две закаменевшие колеи. Слишком узкие для автомобильного колеса, но Серега, обрадованный близостью цивилизации, не придавал сей узости значения. Настроение поднялось еще на пару пунктов, даже голова, кажись, болеть стала поменьше.

— Я пока что молодой бог! И наверно, у меня опыта нет! — громко запел Духарев, безжалостно перевирая и слова, и мелодию. — Ты, девочка моя!..

Они появились внезапно. Словно из-под земли выскочили.

Человек шесть. Все низкорослые, в коже с ног до головы, бородатые и с палками-рогульками. На рожах — черным и красным — широкие полосы и зигзаги. Приколисты, одним словом.

Духарев остановился. А что еще делать, если дорогу загородили?

«Что еще за, на хрен, австралийские волосатые панки?» — подумал он.

— Хау-ду-ю-ду, мужики! — сказал он. — Какие проблемы?

Панк постарше и повыше (видно, главный) перекинул свою рогульку в левую руку, а правую протянул Духареву. Но не с целью поздороваться, а с характерным движением пальцев: мол, давай, что есть ценного.

— Не пойдет, — покачал головой Духарев.

Не очень-то он испугался. Самый крупный панк макушкой и до подбородка Духареву не доставал, а палки им не помогут. Уж в чем в чем, а «насчет подражаться» Серега был крут. Обучен. Да и силушкой Бог не обидел.

— Ну-ка! — гаркнул Духарев, шагнув вперед. — С дороги, мать вашу!

Сосед главного панка тут же ткнул Серегу рогулькой в грудь.

Ну, пеняйте на себя, волосатые!

Духарев перехватил палку, рванул — и панк шлепнулся на дорогу. Второго, сунувшегося сбоку, Серега встретил таким классным маваше, что от соприкосновения с духаревским ботинком панк воспарил птичкой и планировал метра три...

На этом все кончилось.

В затылке Духарева взорвалась маленькая, но вполне термоядерная бомба, и он выпал из странной дей-

ствительности. А когда впал в нее обратно, то обнаружил, что распластан на дороге и пришпилен к ней, как бабочка-махаон, угодившая в лапы садиста-энтомолога. Четверо панков придавили рогульками Духареву руки-ноги, а пятый прижал рогатку к горлу. Положение из разряда «отпрыгался».

Старший панк быстро обшмонал Духарева, но почему-то карманов не проверил, а вот пояс ощупал с большим вниманием. Беглого внимания панка удостоился ножик в пластмассовом чехле-рыбке. Однако когда китайское лезвие легко согнулось в его пальцах, панк с заметным пренебрежением бросил ножик на землю.

— И зачем дрался, дурачок? — спросил он.

Речь была непривычно цокающая: «Зачем дрался, дурачок?» — но безусловно русская.

— Денег нет, — продолжал между тем разочарованный панк. — Одежка дрянь, — он пренебрежительно дернул линиялую джинсину, — обувка — дрянь, — пиннок обутой в кожаный сапожок по десантной бутсе Сереги, — оружия нету, даже ножа правильного нету. Что за человек? Зачем дрался?

Панк выпрямился.

— На, дурачок! — На живот Духарева упала монетка. И уже своим: — Пошли, что ли.

И странная компания растворилась в лесу так же неожиданно, как и возникла.

А Серега Духарев остался валяться на дороге, в пыли, с монеткой на пузе. И чувствовал он себя, без всякого преувеличения, как обосранный.

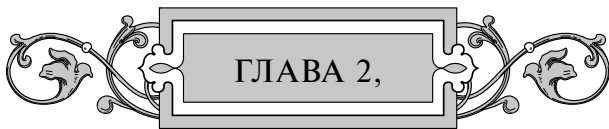
Минутки через две лежать в пыли ему надоело, и он сел. Поднял дареную монетку — металлический кружок из зеленого металла с неровными краями. Как ребенок ножницами из бумаги вырезал. На одной стороне монетки была изображена палочка с перекла-

диной, вроде виселицы. На другой нечто, отдаленно напоминающее мышь. Опять-таки в детском изображении.

Духарев встал, пощупал затылок: крови в волосах нет, одна пыль. И на том спасибо. Бивали его и сильней. Намного. Серега потрогал золотую цепочку на шее, по странной случайности не замеченную грабителями, и подумал, что говорили «панки» по-русски, значит, не в Австралии он, а дома. Наверняка где-нибудь в замшелой глубинке, зато в России-матушке. Уже хорошо.

Серега сунул монетку в карман (сувенир!) и побрел дальше.

ГЛАВА 2,

*в которой почти ничего не происходит,
зато у Духарева появляется ощущение,
что у кого-то поехал шифер: или у него самого,
или у всего окружающего мироздания*

Позади послышался скрип и топот. Серегу нагонял экипаж странного вида: разболтанная телега, влекомая сивой лошадкой. По обе стороны телеги, держась за борта, трусили двое мужичков-боровичков, бородастых, низеньких и коренастых. Завидев Духарева, мужички тут же влезли в телегу и продемонстрировали ему пару топоров.

Духарев набылчился, но, памятуя о «панках», сошел с дороги. Получить топором по башке не улыбалось. Телега прогрохотала мимо, но шагов через двадцать остановилась.

— Эй, паря! — окликнули его. — Куда ноги несут?

— Никуда! — буркнул Духарев, тоже останавливаясь. — Денег у меня нету!

Мужички захихикали, потом один махнул рукой:

— Давай к нам!

Духарев помотал головой.

— Не бойся, дурень! — крикнул второй мужик. Борода у него была рыжая, а у первого — желтая. Вот и все различие. — Не бойсь! Мы не тати. Сала хочешь?

Духарев подошел, запрыгнул на телегу. Второй мужик так же молча протянул ему шмат соленого сала и черную лепешку, крепостью соревнующуюся с кирпичом.

Первый свистнул, и лошаденка потрусилась дальше.

— Ты как кличут? — спросил рыжебородый.

— Сергей.

— Диковинное имя. Ты че, хузарин?

— Тю, Голомята! Какой хузарин? Вишь, как сало трескает! — вмешался желтобородый.

— Ну, всяко бывает, — отозвался рыжий. — Я вот Голомята. А умник этот — Трешок. Мы купца Горазда людишки. Вольные, не холопы! Сам чей?

— Ничей, — Серега энергично работал челюстями.

— А где ж такие лбы растут? — ехидно осведомился Трешок. — Ты, часом, не дедки Водяного внук?

— Нет, — кратко ответил Духарев.

— А че смурной такой да пужливый? Обидел кто?

— А вам такие, с мордами размалеванными, не попадались?

Оба мужичка захихикали.

— Попадались, — сказал Трешок. — То Перши Лебеды ватажка.

И снова захихикали.

— Что смешного? — буркнул Серега. Показалось ему: бородачи над ним издеваются.

— Нас не трогают, — пояснил Трешок. — Перша к Гораздовой средненькой сватается. Завсегда привет передает.

— Токо Горазд все одно девку не отдаст, — сказал Голомята. — Перша богатый, да и Горазд не побирушка. За гридня отдаст, за ватажника — ни в жисть.

— Перша ране гриднем у ослецкого воеводы был, — поведал Трешок. — Да воевода выгнал: умничал много.

«У кого-то из нас крыша точно поехала! — отстраненно подумал Духарев. — А может, и не поехала? Мо-

жет, это староверы какие-нибудь или, там, духоборы? А почему, собственно, нет? Вон эти, которые Кришну харят, еще и не в таких прикидах ходят!»

— Че-т одежда на тебе чудная, Серегей, — желтобородый Трещок пощупал духаревскую рубаху. — Тонка больно. Холстина, чай, ненашенская?

— Нет, — буркнул Серега.

— А все ж, откель сам будешь, паря? — Желтобородого снесало любопытство.

— Издалека, — отрезал Духарев.

Трещок шевельнул плечами: дело твое — и заговорил уже с Голомятой.

К их беседе Серега прислушиваться не стал: все равно непонятно, о чем речь.

Телега катилась не быстрее пешехода и рессорами оборудована не была. Духарев привык к другим скоростям, но уж лучше трястись на телеге, чем лежать под ногами у еще какого-нибудь Перши.

Серега попытался осмыслить происшедшее. Происшедшее не осмысливалось. Нет, Духарев, конечно, не доктор философских наук, но башка у него варит, это все признавали. Хотя бы потому, что Серега дважды, причем честно, без взятки, поступал в универ. А что вылетал потом, так это не по глупости, а... по другим причинам. Правда, бабки зарабатывать головой у Духарева пока как-то не получалось. Да и не требовалось. Отслужил Серега в десантуре, куда, с разрядом по биатлону, он попал, считай, автоматом. В армии, правда, умение стрелять пригодилось меньше, чем умение бегать. А в зоне боевых действий он провел всего восемь дней. Хватило выше крыши. Получил касательное по черепушке — и десять месяцев прокантовался в госпиталях. Люди в белых халатах все никак не могли решить: съехал у него шифер или нет? Нормально отслужил, короче. Повезло.